

Хань Цай усмехнулся и продолжил:

-Ты сидишь на своем высоком троне, преисполненная манией величия, но от тебя несет лицемерием и высокомерием. Ты как увядший цветок, отчаянно цепляешься за последние остатки силы и красоты, но все видят, что внутри ты разлагаешься. Твои мелкие оскорбления показывают твою собственную неуверенность, а твоя горечь лишь подчеркивает твою зависть к тем, кто обладает истинной силой и мудростью. Ты осмеливаешься оскорблять моего мастера, но ты не более чем грустная, горькая старая карга, отчаянно пытающаяся сохранить свою значимость в мире, который тебя перерос. Твои слова не имеют веса, и твое время давно прошло. Ты просто жалкий реликт ушедшей эпохи.

Пока он говорил, Хань Цай подошел к месту, где сидели королевские принцессы. Его фигура медленно поднялась в воздух, привлекая внимание всех присутствующих.

Император, сидевший внизу, широко раскрыл глаза, словно не мог поверить в происходящее. Он не мог двигаться, не мог говорить и не чувствовал ни в своем теле. Такую же реакцию можно было увидеть на лицах его отца, каждого королевского принца и всех остальных гостей.

Старейшина Хуэйцин из Секты Морозного Пика смотрел на Хань Цая со смесью шока и страха. Он никак не ожидал такого смелого поступка от молодого ученика. Старейшина Цзян из Секты Небесного Грома и старейшина Ву из Секты Божественного Ветра тоже были ошеломлены и смотрели на него обеспокоенными взглядами. Они знали, что если Хань Цай удивлен противостоять маме императрицы, то это означало, что Секту Парящего Неба нельзя недооценивать. Ученик Секты Парящего Неба никак не мог запечатать всех. Должно быть, он использует какое-то божественное сокровище.

Другие культивирующие семьи, включая самую могущественную семью Ли, тоже не могли скрыть своего удивления.

Так как их семьи были кровно заинтересованы в судьбе Секты Парящего Неба, мастера семей Цуй и Ван имели озабоченное выражение лица, не зная, что делать в этой ситуации.

Хань Цай медленно поднялся в воздух и остановился прямо перед мамой императрицей. Он заговорил властным голосом:

-Старая карга, вроде тебя, не должна иметь такой грязный рот. На этот раз это просто предупреждение, но в следующий раз, если я услышу что-нибудь против моего мастера, я вырву тебе язык.

После последних слов Хань Цая, по всему банкетному залу и королевскому дворцу разнеслось эхо громopodobного удара. Звук был настолько мощным, что, казалось, сотряс сам фундамент здания, оставив всех присутствующих в состоянии ошеломленного молчания. Мама императрица, ставшая целью могучего удара, взвилась в воздух, ее тело бесконтрольно крутилось и переворачивалось, словно лист, подхваченный порывом ветра. Сила удара была такова, что, казалось, не поддавалась законам природы, оставляя зрителей в благоговейном

ужасе. Когда она, наконец, столкнулась с твердой стеной, от удара по всей конструкции пробежала дрожь, пыль и обломки посыпались из точки соприкосновения.

Хань Цай отлетел назад к центру банкетной платформы.

Прочистив горло, он начал читать свою поэму:

В осеннем лесу разошлись две дороги.

Идти по обоим — увы! — я б не смог,
и встал на развилке, чужак одинокий,
и взглядом следил, смущенным и долгим,
как скрылась в подлеске одна из дорог.

Я выбрал другую. Не легче с ней было,
но моему она нраву под стать:
травую нетоптаной в дали манила,
хоть тех, кого за собой уводила,
могла и сама изрядно помять.

И обе смягчали хвойным покровом
шаг путника, чтоб было легче идти.
Сберечь бы беглянку для часа иного!
Но я сомневаюсь, вернусь ли к ней снова, —
не угадаешь земные пути.

Произнесу, горький вздох не тая,
коль годы за годами вдаль унеслись:
манили меня две дороги, а я —
неторную выбрал в иные края,
и прочее сразу утратило смысл.

Закончив читать стихотворение, Хань Цай заговорил:

-Понимаете, у меня было два варианта: стать лучшим человеком и позволить этой карге, оскорбляющей моего мастера, спокойно уйти. Если бы мы захотели уйти, никто бы нас не остановил. Но я решил пойти по малопроезжимой дороге. Почему? Потому что у меня был выбор. Если бы я не пошел по этой дороге, я бы не чувствовал спокойствия. Душевное спокойствие очень важно для меня.

Хань Цай продолжил:

-Действия, предпринятые сегодня, - это мои личные действия. Они не представляют мою секту. Учитывая это, я стою здесь, если захочу расправиться со всеми на этом банкете. Никто не сможет остановить меня. Если кто-то из вас решит отомстить Секте Парящего Неба, знайте, что последствия будут ужасными. Мы обладаем силой и способностями, которые вы еще не видели, и мы без колебаний используем их для защиты. Если вы выберете путь мести, вы можете неосознанно привести к собственной гибели, а также к гибели ваших семей и сект. Я призываю вас подумать о возможных результатах ваших действий и сопоставить цену мести с ценностью мира и взаимного уважения. Помните, что ваш выбор сегодня определит будущее для всех нас. И последнее: если моей секте здесь не рады, мы не против уйти. Но мы хотим вернуть все духовные камни, которые были украдены из нашего особняка.

Вид некогда могущественной матери императрицы, лежащей, прислонившись к стене, служил суровым напоминанием о последствиях, которые могут постигнуть тех, кто осмелится бросить вызов Секте Парящего Неба и их яростному ученику Хань Цаю.

Хань Цай повернулся к своему мастеру и сказал:

-Мастер, вам пора уходить. Этот крестьянский банкет не стоит вашего внимания. Я останусь; я все еще чувствую голод.

Мастер секты кивнул, быстрым движением взлетел в небо и исчез.

Весь банкетный зал остался в ошеломленном молчании, не в силах осмыслить только что произошедшие события. Каждой секте и каждой семье оставалось только гадать, что ждет их в будущем и как изменится баланс сил в ближайшие дни. И в центре всего этого был Хань Цай, молодой ученик из Секты Парящего Неба, который только что бросил вызов матери императрицы и продемонстрировал силу, скрытую в нем самом.

<http://tl.rulate.ru/book/85781/2900677>